

Валерий Брюсов

Сны человечества

Содержание

[ПЕСНИ ПЕРВОБЫТНЫХ ПЛЕМЕН]	0007
ИЗ ПЕСЕН АВСТРАЛИЙСКИХ ДИКАРЕЙ	0007
[ОТЗВУКИ АТЛАНТИДЫ]	0009
ЖЕНЩИНЫ ЛАБИРИНТА	0009
ПИРАМИДЫ	0012
ГОРОД ВОД	0015
ЭГЕЙСКИЕ ВАЗЫ	0018
ЕГИПЕТ	0021
ПОУЧЕНИЕ	0021
АССИРИЯ	0022
КЛИНОПИСЬ	0022
ЭЛЛАДА	0024
ИЗ ПЕСЕН САПФО	0024
ИЗ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ АНТОЛОГИИ	0025
РИМ	0027
ОДА В ДУХЕ ГОРАЦИЯ	0027
В ДУХЕ КАТУЛЛА	0028
В ДУХЕ ЛАТИНСКОЙ АНТОЛОГИИ	0029
В ДУХЕ РИМСКИХ ЭРОТИКОВ	0031
В ДУХЕ ПЕРВЫХ ХРИСТИАНСКИХ ГИМНОВ	0032
ИНДИЯ	0033
В ДУХЕ ЛИРИКОВ VI–VII вв	0033
ПОДРАЖАНИЕ РАБИНДРАНАТУ ТАГОРУ	0035
ПЕРСИЯ	0036
ПЕРСИДСКИЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ	0036

ГАЗЕЛИ	0038
ЯПОНИЯ	0040
ЯПОНСКИЕ ТАНКИ И ХАЙ-КАЙ	0040
ИНДОКИТАЙ	0042
ДВЕ МАЛАЙСКИЕ ПЕСНИ	0042
АРАБЫ	0044
ИЗ АРАБСКОЙ ЛИРИКИ Отрывок	0044
АРМЕНИЯ	0046
АРМЯНСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ	0046
ПОДРАЖАНИЕ АШУГАМ	0047
СКАНДИНАВИЯ	0051
ПРОРОЧЕСТВО О ГИБЕЛИ АЗОВ	0051
ЕВРОПЕЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	0054
КАНЦОНА К ДАМЕ	0054
ДВОРЕЦ ЛЮБВИ	0055
ИСПАНИЯ	0057
ИСПАНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ	0057
RICO FRANCO	0058
ФРАНЦИЯ XV–XVI ВВ	0060
БАЛЛАДА О ЖЕНЩИНАХ БЫЛЫХ ВРЕМЕН	0060
ПЕСНЯ ИЗ ТЕМНИЦЫ	0061
ВИЛАНЕЛЬ	0063
ИТАЛИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ	0065
СОNET В ДУХЕ ПЕТРАРКИ	0065
СОNET В ДУХЕ XIV В	0066
АНГЛИЯ	0067
СМЕРТЬ РЫЦАРЯ ЛАНЦЕЛОТА Баллада	0067
ГЕРМАНИЯ	0070

ПЛЯСКА СМЕРТИ Немецкая гравюра XVI в	0070
DAS WEIB UND DER TOD	0073
НАДПИСИ НА ВОРОТАХ	0074
ФРАНЦИЯ XVII–XVIII вв	0076
ПОСЛАНИЕ МАЛЕРБУ XVII в	0076
ЛЕТНИЙ БАЛ XVIII в	0079
ПРОГУЛКА	0081
РУЧЕЙ	0082
ЛАТЫШИ	0084
ПОДРАЖАНИЯ НАРОДНЫМ ПЕСНЯМ	0084
РОМАНТИЗМ	0087
ИНЬЕС	0087
ПЕСНИ В ДУХЕ Г. ГЕЙНЕ	0088
В ДУХЕ ЭЙХЕНДОРФА	0090
ДРУЗЬЯ	0091
ЧЕРТ И ВЕДЬМА	0093
РОМАНТИЧЕСКИЕ БАЛЛАДЫ	0095
ПОХИЩЕНИЕ БЕРТЫ	0095
ПРОРИЦАНИЕ	0101
ДОПОЛНЕНИЕ	0105
ПЕСНЯ ГРЕНЛАНДЦЕВ	0105
ПЕСНЯ ДРЕВНЕГО НАРОДА Тема Райдера Хаггарда	0106
ПЕСНЯ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ	0107
АТЛАНТИДА	0108
ЦАРЬ О СЕБЕ САМОМ	0109
НАДПИСЬ	0111

ГИМН НИЛУ	0112
«Тебе мы поклоняемся, Нил!..»	0114
ГИМН АТОНУ	0115
ЗАКЛИНАНИЕ	0117
«Я, сын царя, здесь сплю, Эшмунизар...» . .	0117
ПСАЛОМ ДАВИДА	0118
«Старик шел мимо башни...»	0119
КИТАЙСКИЕ СТИХИ	0120
ЯПОНСКИЕ ТАНКИ И УТА	0121
«Под бананом, под бананом...»	0123
ПОДРАЖАНИЕ ТРУВЕРАМ	0124
ПЕСНЬ ПРОКАЖЕННОГО	0125
ИСПАНСКАЯ ПЕСЕНКА	0127
СОНЕТ В МАНЕРЕ ПЕТРАРКИ	0129
«Артуру ехать в далекий путь!..»	0130

Валерий Брюсов
СНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

[ПЕСНИ ПЕРВОБЫТНЫХ ПЛЕМЕН]

ИЗ ПЕСЕН АВСТРАЛИЙСКИХ ДИКАРЕЙ

1

Кенгуру бежали быстро,
Я еще быстреей.

Кенгуру был очень жирен,
А я его съел.

Пусть руками пламя машет,
Сучьям затрещать пора.
Скоро черные запляшут
Вкруг костра.

2

Много женщин крепкотелых,
Мне одна мила.

И пьяней, чем водка белых,
Нет вина!

Ай-ай-ай! крепче нет вина!
Будем мы лежать на брюхе
До утра всю ночь.
От костра все злые духи

Уйдут прочь!

Ай-ай-ай! уйдут духи прочь!

<1907>

[ОТЗВУКИ АТЛАНТИДЫ]

ЖЕНЩИНЫ ЛАБИРИНТА

Город — дом многоколонный,
Залы, храмы, лестниц винт,
Двор, дворцами огражденный,
Сеть проходов, переходов,
Галерей, балконов, сводов,—
Мир в строеньи: Лабиринт!
Яркий мрамор, медь и золото,
Двери в броне серебра,
Роскошь утвари богатой,—
И кипенье жизни сложной,
Ночью — тайной, днем — тревожной,
Буйной с утра до утра.
Там, — при факелах палящих,
Шумно правились пиры;
Девы, в туниках сквозящих,
С хором юношей, в монистах,
В блеске локонов сквозистых,
Круг сплетали для игры;
Там — надменные миносы
Колебали взором мир;

Там — предвечные вопросы
Мудрецы в тиши судили;
Там — под кистью краски жили,
Пели струны вещей лир!
Всё, чем мы живем поныне, —
В древнем городе-дворце
Расцветало в правде линий,
В тайне книг, в узоре чисел;
Человек чело там высил
Гордо, в лавровом венце!
Все, что ведала Эллада, —
Только память, только тень,
Только отзвук Дома-Града;
Песнь Гомера, гимн Орфея —
Это голос твой, Эгейя,
Твой, вторично вставший, день!
Пусть преданья промолчали;
Камень, глина и металл,
Фрески, статуи, эмали
Встали, как живые были, —
Гроб раскрылся, и в могиле
Мы нашли свой идеал!
И, венчая правду сказки,
Облик женщины возник, —
Не она ль в священной пляске,

Шла вдоль длинных коридоров,—
И летели стрелы взоров,
Чтоб в ее вонзиться лик?
Не она ль взбивала кудри,
К блеску зеркала склонясь,
Подбирала гребень к пудре,
Серьги, кольца, украшенья,
Ароматы, умащенья,
Мазь для губ, для щечек мазь?
Минул ряд тысячелетий,
Лабиринт — лишь скудный прах...
Но те кольца, бусы эти,
Геммы, мелочи былого,—
С давним сердце близят снова;
Нить жемчужная в веках!

1917

ПИРАМИДЫ

В пустыне, где царственный Нил
Купает ступени могил;
Где, лаврам колышимым вторя,
Бьют волны Эгейского моря;
Где мир италийских полей
Скрывает этрусских царей;
И там, за чертой океана,
В волшебных краях Юкатана,
Во мгле мексиканских лесов,—
Тревожа округлость холмов
И радостных далей беспечные виды,
Стоят Пирамиды.
Из далей столетий пришли
Ровесницы дряхлой Земли
И встали, как символы, в мире!
В них скрыто — и три, и четыре,
И семь, и двенадцать: в них смысл
Первичных, таинственных числ,
И, в знак, что одно на потребу,
Чело их возносится к небу
Так ты неизменно стремись,
Наш дух, в бесконечную высь!
«Что горе и радость? успех и обиды? —

Твердят Пирамиды.—
Все минет. Как льется вода,
Исчезнут в веках города,
Разрушатся стены в своды,
Пройдут племена и народы;
Но будет звучать наш завет
Сквозь сонмы мятущихся лет!
Что в нас, то навек неизменно.
Все призрачно, бренно и тленно,—
Песнь лиры, создание резца.
По будем стоять до конца,
Как истина под покрывалом Изиды,
Лишь мы. Пирамиды!
Строители наши в веках
Осилили сумрачный прах,
И тайну природы постигли,
И вечные знаки воздвигли,
Мечтами в грядущем паря.
Пусть канул их мир, как заря
В пыланиях нового века,—
Но смутно душа человека
Хранит в глубине до сих пор,
Что звали — Орфей, Пифагор,
Христос, Моисей, Заратустра, друиды,
И мы. Пирамиды!

Народы! идя по земле,
В сомнениях, в праве и зле,
Живите божественной тайной!
Вы связаны все не случайно
В единую духом семью!
Поймите же общность свою,
Вы, индусы, греки, славяне,
Романцы, туранцы, армяне,
Семиты и все племена!
Мы бросили вам семена.
Когда ж всколосится посев Атлантиды?
Мы ждем. Пирамиды!»
1917

ГОРОД ВОД

Был он, за шумным простором
Грозных зыбей океана,
Остров, земли властелин.
Таёт пред умственным взором
Мгла векового тумана,
Сумрак безмерных глубин.
Было то — утро вселенной,
Счет начинавших столетий,
Праздник всемирной весны.
В радости жизни мгновенной,
Люди там жили, как дети,
С верой в волшебные сны.
Властвуя островом, смело
Царства раздвинул границы
Юный и мощный народ...
С моря далеко горело
Чудо всесветной столицы,
Дивного Города Вод.
Был он — как царь над царями.
Все перед ним было жалко:
Фивы, Мемфис, Вавилон,
Он, опоясан кругами
Меди, свинца, орихалка,

Был — как огнем обнесен!
Высилась в центре громада
Храма Прозрачного Света —
Дерзостной воли мечта,
Мысли и взорам услада,
Костью слоновой одета,
Золотом вся залита.
Статуи, фрески, колонны,
Вязь драгоценных металлов,
Сноп самоцветных камней;
Сонм неисчетный, бессонный,—
В блеск жемчугов и кораллов,
В шелк облаченных людей!
Первенец древнего мира,
Был он единственным чудом,
Город, владыка земель,
Тот, где певучая лира
Вольно царила над людом,
Кисть, и резец, и свирель;
Тот, где издавна привыкли
Чтить мудрецов; где лежали
Ниц перед ними цари;
Тот, где все знанья возникли,
Чтоб обессмертить все дали
Благостью новой зари!

Был — золотой Атлантиды
Остров таинственно-властный,
Ставивший вехи в веках:
Символы числ, пирамиды,—
В Мексике жгуче-прекрасной,
В нильских бесплодных песках.
Был, — но его совершенства
Грани предельной достигли,
Может быть, грань перешли...
И, исчерпав все блаженства,
Всё, что возможно, постигли
Первые дети Земли.
Дерзко умы молодые
Дальше, вперед посягнули,
К целям запретным стремясь...
Грозно восстали стихии,
В буре, и в громе, и в гуле
Мира нарушили связь.
Пламя, и дымы, и пены
Встали, как вихрь урагана;
Рухнули тверди высот;
Рухнули башни и стены,
Всё, — и простор Океана
Хлынул над Городом Вод!
1917

ЭГЕЙСКИЕ ВАЗЫ

Они пленительны и нежны,
Они изысканно-небрежны,
То гармонически размерны,
То соблазнительно неверны,
Всегда законченны и цельны,
Неизмеримо-нераздельны,
И завершенность линий их
Звучит, как полнопевный стих.
От грозных и огромных пифов
До тонких, выточенных скифов,
Амфоры, лекифи, фиалы,
Арибаллы и самый малый
Каликий, все — живое чудо:
В чертах разбитого сосуда,
Загадку смерти разреша,
Таится некая душа!
Как исхищенны их узоры,
Ласкающие сладко взоры:
В запутанности линий гнутых,
То разомкнутых, то сомкнутых,
Как много жизни претворенной,—
Пресыщенной и утомленной
Холодным строем красоты,

В исканьях новой остроты!
И вот, причудливо согнуты,
Выводят щупальцами спруты
По стенкам нежные спирали;
Плывут дельфины на бокале,
И безобразны и прекрасны;
И стебель, странно-сладострастный,—
Па что-то грешное намек,—
Сгибает девственный цветок.
На черном поле звезды — рдяны,
Горят, как маленькие раны,
А фон лазурный иль червлёный
Врезают черные фестоны;
Глазам и сладостно и больно,
И мысль прикована невольно
К созданиям чужой мечты,
Горящим светом красоты.
Глубокий мрак тысячелетий
Расходится при этом свете!
И пусть преданья мира — немые!
Как стих божественной поэмы,
Как вечно ценные алмазы,
Гласят раздробленные вазы,
Что их творец, хотя б на миг,
Все тайны вечности постиг!

1916–1917

ЕГИПЕТ

ПОУЧЕНИЕ

Тот, владыка написанных слов,
Тот, царящий над мудростью книг!
Научи меня тайне письмен,
Подскажи мне слова мудрецов.
Человек! умом не гордись,
Не мечтай: будешь славен в веках.
Над водой промелькнул крокодил,
И нырнул в глубину навсегда.
Нил священный быстро течет.
Жизнь человека протекает быстрее.
Ты пред братом хвалился: я мудр!
Рука Смерти равняет всех.
Тот, хранитель священных книг,
Тот, блюститель священных ключей!
Скажи: это написал Аменампат
Двадцать шестого Паини в третий год Ме-
рери.

Март 1912

АССИРИЯ

КЛИНОПИСЬ

Царь, Бил-Ибус, я, это вырезал здесь,
Сын Ассура, я, был велик на земле.
Города разрушал, я, истреблял племена,
Города воздвигал, я, строил храмы богам.
Прекрасную Ниргал, я, сделал своею женой,
Алоустая Ниргал, ты, была как месяц меж звезд.
Черные кудри, Ниргал, твои, были темны, как ночь,
Соски груди, Ниргал, твои, были алый цветок.
Белые бедра, Ниргал, твои, я в пурпур одел,
Благоуханные ноги, Ниргал, твои, я в золото обул.
Когда умерла ты, Ниргал, я сорок суток не ел.
Когда ушла ты, Ниргал, я десять тысяч казнил.
Царь, Бил-Ибус, я, был велик на земле,

Но, как звезда небес, исчезаешь ты, человек.

1913

ЭЛЛАДА

ИЗ ПЕСЕН САПФО

1

Сокрылась давно Селена,
Сокрылись Плеяды. Ночи
Средина. Часы проходят.
А я все одна на ложе.

2

Ты кудри свои, Дика, укрась, милые мне,
венками,

И ломкий анис ты заплети сладостными
руками.

В цветах ты грядешь; вместе с тобой — бла-
гостные

Хариты.

Но чужды богам — те, кто придут, розами
не увиты.

3

Геспер, приводишь ты все, разметала что
светлая Эос,

Агнецв ведешь, ведешь коз, но от матери
дочь уводишь.

4

Рыбарю Пелагону отец Мениск водрузил
здесь

Вершу и весло, памятник бедности их.

<1914>

ИЗ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ АНТОЛОГИИ

1

К Сапфо

Ты не в гробнице лежишь, под укра-
шенным лирою камнем:

Шумного моря простор — твой вечнозыб-
лемый гроб.

Но не напеву ли волн твои были песни по-
добны,

И, как воды глубина, не был ли дух твой
глубок?

Гимн Афродите бессмертной сложившая,
смертная Сапфо,

Всех, кого гонит любовь к морю, заступни-
ца ты!

2

Где твои стрелы, Эрот, — разившие взором

Ифтимы,

Нежные, словно уста Гелиодоры младой,
Быстрые, словно улыбка Наиды, как Айя,
живые?

Пуст твой колчан: все они в сердце вонзи-
лись мое.

3

Общая мать, Земля, будь легка над моей
Айсигеной,

Ибо ступала она так же легко по тебе.

<1913?>

РИМ

ОДА В ДУХЕ ГОРАЦИЯ

Не тем горжусь я, Фебом отмеченный,
Что стих мой звонкий римские юноши
На шумном пире повторяют,
Ритм выбивая узорной чашей.
Не тем горжусь я, Юлией избранный,
Что стих мой нежный губы красавицы
Твердят, когда она снимает
Строфий, готовясь сойти на ложе.
Надеждой высшей дух мой возносится,
Хочу я верить, — боги позволили, —
Что будут звуки этих песен
Некогда слышны в безвестных странах.
Где ныне Парфы, ловкие лучники,
Грозят несмело легионариям,
Под сводом новых Академий
Будет вращать мои свитки ретор.
Где прежде алчный царь Эфиопии
Давал Нептуну праздник торжественный,
Мудрец грядущий с кожей черной
Имя мое благочестно вспомнит.

В равнине скудной сумрачной Скифии,
Где реки стынут в льдистом обличий,
Поэт земли Гиперборейской
Станет моим подражать напевам.
1913

В ДУХЕ КАТУЛЛА

Обманули твои, ах! поцелуи,
Те, что ночь напролет я пил, как струи.
Я мечтал навсегда насытить жажду,
Но сегодня, как Скиф, без кубка стражду.
Ты солгал, о Насон, любимец бога!
Нет науки любви. И, глядя строго,
Беспощадный Амбр над тем хохочет,
Кто исторгнуть стрелу из сердца хочет.
Должно нам принимать богов решенья
Кротко: радости и любви мученья.
<1913>

В ДУХЕ ЛАТИНСКОЙ АНТОЛОГИИ

1

Алую розу люби, цветок Эрицине любезный:

Он — на святых алтарях, в косах он радостных дев.

Если ты чтишь бессмертных, если ты к девам влечешься,

Розы алый намек знаком своим избери.

Тот же, кто дружбе, сердца врачующей, ввериться хочет,

Пусть полюбит мирт, отроков свежий веноч.

Пенорожденной не чужд, мирт на мистериях темных

Тайну Вакха хранит, бога, прошедшего смерть.

2

Мне говорят, что Марина многим дарит свои ласки.

Что ж! получаю ли я меньше любви оттого?

Если солнце живет шиповник в саду у со-

седа,

Хуже ль в саду у меня алый сверкает тюльпан?

Если Зефир овеял Лукании луг утомленный,

Лацию в летний день меньше ль прохлады он даст?

Ласки любовников всех лишь огонь разжигают в Марине,

Жаждет, пылая, она, пламя чтоб я погасил.

3

Голос, груди, глаза, уста, волоса, плечи, руки,

Бедер ее аромат, краска румяных ланит,

Сколько лукавых сетей, расставленных хитрым Амором,

Чтобы одну поймать певчую птицу — меня!

<1912>

В ДУХЕ РИМСКИХ ЭРОТИКОВ

1

К статуе

Как корабль, что готов менять оснастку:

То вздвигать паруса, то плыть на веслах,
Ты двойной предаваться жаждешь страсти.

Отрок, ищешь любви, горя желаньем,
Но, любви не найдя, в слезах жестоких,
Ласк награду чужих приемлешь, дева!
Хрупки весла твои, увы, под бурей,
Дай же ветру нырнуть в твои ветрила!

2

Дедал, корова твоя глаза быка обманула,
Но он обманут ли был также в желаньях своих?

3

Нежный стихов аромат услаждает бездельные девы:

Кроет проделки богов нежный стихов аромат.

<1913>

В ДУХЕ ПЕРВЫХ ХРИСТИАНСКИХ ГИМНОВ

Восставши ночью, бога восславим мы,
Начнем служенье в славу всевышнего,
Создателя земли и неба,
Звезды водящего в глуби синей.
Былинке малой дав прозябание,
Левиафанов в море лелеет он,
Выводит солнце и уводит,
Хлебом насущным людей питает.
Пославший сына в мир на пропятие,
Святого духа нам обещающий,
Не он ли, сильный, есть достоин
Быть воспеваемым в сладких гимнах?
1912

ИНДИЯ

В ДУХЕ ЛИРИКОВ VI–VII вв

1

Дождь! тебя благословляю!
Ты смочил ее одежды:
Как, под влажной тканью, четко
Рисовалось тело милой!
Ты была — как обнаженной,
И твои дрожали груди!
Кто ж согрел их поцелуем,
В час, как радуга сверкнула?

2

Уже за горы канул месяц,
Уже восток зарей зарделся,
Уже в саду запели птицы,
А я, Любовь, смотри, все плачу!

3

В белом и трепетном озере груди твоей
Сердце твое — ароматного лотоса цвет!

4

— Я брошен ею, но я не плачу;
Видишь ли: я улыбаюсь.

— Твоя улыбка — рассвет печальный
Над погоревшей деревней.

5

Через речку цепкие лианы
Провели несокрушимый мост.
Там качаться любят обезьяны,
Окрутив вокруг лианы хвост.
От меня и прямо к сердцу милой
Проведен любовью крепкий мост.
Там качаться любят злые силы,
Окрутив вокруг желаний хвост.

6

Я не всходил на Гималаи,
Жемчужин не искал на дне,
Паломником не плыл на Цейлон,—
Даль, глубь и высь я знал в Любви!
1913

ПОДРАЖАНИЕ РАБИНДРАНАТУ ТАГОРУ

Когда тебе, дитя, я приношу игрушки,
Мне ясно, почему так облака жемчуж-
ны,

И так ласкающе к цветам льнет ветер юж-
ный,—

Когда тебе, дитя, я приношу игрушки.

Когда тебе, дитя, даю я в руки сласти,

Мне ясно, почему цветок наполнен медом,

И сахарны плоды под нашим небосводом,

Когда тебе, дитя, даю я в руки сласти.

Когда тебя, дитя, целую я в глазенки,

Мне ясно, почему так небо утром чисто,

И ветерок так свеж над пальмой серебри-
стой,

Когда тебя, дитя, целую я в глазенки.

1913

ПЕРСИЯ

ПЕРСИДСКИЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1

Не мудрецов ли прахом земля везде полна?
Так пусть меня поглотит земная глубина,
И прах певца, что славил вино, смешавшись
с глиной,
Предстанет вам кувшином для пьяного вина.

2

Есть в жизни миги счастья, есть женщины,
вино,
Но всем на ложе смерти очнуться суждено.
Зачем же краткой явью сменяются сны
жизни

Для тысяч поколений, — нам ведать не дано.

3

Только ночью пьют газели из источника
близ вишен,
На осколок неба смотрят, и в тиши их

Вздох чуть слышен.

Только ночью проникаю я к тебе, источник мой!

Вижу небо в милом взоре и в тиши дышу тобой!

4

Эпитафия Зарифы

Той, которую прекрасной называли все в мечтах,

Под холмом, травой поросшим, погребен печальный прах:

Если ты ее, прохожий, знал в потоке беглых лет,—

То вздохни за вас обоих, ибо в смерти вздохов нет.

1911

ГАЗЕЛИ

1

В ту ночь нам птицы пели, как серебром
звения,

С тобой мы были рядом, и ты любил меня.

Твой взгляд, как у газели, был вспышками
огня,

И ты газельим взглядом всю ночь палил
меня.

Как в тесноте ущелий томит пыланье дня,

Так ты, маня к уладам, всю ночь томил
меня.

Злой дух, в горах, у ели, таится, клад храня.

Ах, ты не тем ли кладом всю ночь манил
меня?

Минуты розовели, с востока тень гоня.

Как будто по аркадам ты вел, без сил, меня.

Пусть птицы мне звенели, что близко за-
падня:

В ту ночь любовным ядом ты отравил ме-
ня!

1913

2

Пылают летом розы, как жгучий костер.
Пылает летней ночью жесточе твой взор.
Пьянит весенним утром расцветший мин-
даль.

Пьянит сильней, вонзаясь в темь ночи,
твой взор.

Звезда ведет дорогу в небесную даль.

Дорогу знает к сердцу короче твой взор.

Певец веселой песней смягчает печаль.

Я весел, если смотрит мне в очи твой взор.

Забывать я все согласен, чем жил до сих пор.

Из памяти исторгнуть нет мочи твой взор.

<1913>

ЯПОНИЯ

ЯПОНСКИЕ ТАНКИ И ХАЙ-КАЙ

1

Устремил я взгляд,
Чуть защелкал соловей,
На вечерний сад;
Там, средь сумрачных ветвей,
Месяц — мертвого бледней.

2

Это ты, луна,
Душу мне томишь тоской,
Как мертвец бледна?
Или милый взор слезой
Омрачился надо мной?

3

По волнам реки
Неустанный ветер с гор
Гонит лепестки.
Если твой я видел взор,
Жить мне как же с этих пор?

4

Вижу лик луны,

Видишь лунный лик и ты,
И томят мечты:
Если б, как из зеркала,
Ты взглянула с вышины!

5

В синеве пруда
Белый аист отражен;
Миг — и нет следа.
Твой же образ заключен
В бедном сердце навсегда.

6

О, дремотный пруд!
Прыгают лягушки вглубь,
Слышен всплеск воды...

7

Кто назвал Любовь?
Имя ей он мог бы дать
И другое: Смерть.
12 октября 1913

ИНДОКИТАЙ

ДВЕ МАЛАЙСКИЕ ПЕСНИ

1

Белы волны на побережьи моря,
Днем и в полночь они шумят.
Белых цветов в поле много,
Лишь на один из них мои глаза глядят.
Глубже воды в часы прилива,
Смелых сглотнет их алчная пасть.
Глубже в душе тоска о милой,
Ни днем, ни в полночь мне ее не ласкать.
На небе месяц белый и круглый,
И море под месяцем пляшет, пьяно.
Лицо твое — месяц, алы — твои губы,
В груди моей сердце пляшет, пьяно.
12 ноября 1909

2

Ветер качает, надышавшийся чампаком,
Фиги, бананы, панданы, кокосы.
Ведут невесту подруги с лампами,
У нее руки в запястьях, у нее с лентами ко-
сы.

Рисовое поле бело под месяцем;
Черны и красны, шныряют летучие мыши.
С новобрачной мужу на циновке весело,
Целует в спину, обнимает под мышки.
Утром уходят тигры в заросли,
Утром змеи прячутся в норы.
Утром меня солнце опалит без жалости,
Уйду искать тени на высокие горы.
17 ноября 1909

АРАБЫ

ИЗ АРАБСКОЙ ЛИРИКИ

Отрывок

Катамия! оставь притворство, довольно
хитростей и ссор,

Мы расстаемся, — и надолго, — с проща-
ньем руки я
простер.

Когда бы завтра, при отъезде, ты распахну-
ла свой шатер,

Хоть на мгновенье мог бы видеть я без фа-
ты твой черный
взор,

И на груди твоей камня, как ярко-пла-
менный костер,

И на твоей газельей шее жемчужно-яхонт-
ный убор,

На шее той, — как у газели, когда она, по-
кинув бор,

Наедине с самцом осталась в ущельях
непроходных гор

И шею клонит, объедая из ягод пурпурный

узор

На изумрудно-нежных ветках, топча тра-
вы живой ковер,

Мешая соки со слюною в один пленитель-
ный раствор,

В вино, какого люди в мире еще не пили до
сих пор!

<1912>

АРМЕНИЯ

АРМЯНСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Ах, если алым стал бы я,
Твоим кораллом стал бы я,
Тебя лобзал бы день и ночь
И снегом талым стал бы я!
Я стал бы алым
Кораллом, лалом,
И снегом талым стал бы я...
Ах, если шалью стал бы я,
Твоей вуалью стал бы я,
Тебя лобзал бы каждый день,
Иль бус эмалью стал бы я!
Я стал бы шалью,
Твоей вуалью,
И бус эмалью стал бы я.
Ах, если таром стал бы я,
Звучать не даром стал бы я.
Я разглашал бы гимн тебе,
И милой яром стал бы я!
Я стал бы таром,
Звуча не даром,

Ах, милой яром стал бы я!

<1916>

ПОДРАЖАНИЕ АШУГАМ

1

О, злая! с черной красотой! о дорогая! ангел мой!

Ты и не спросишь, что со мной, о дорогая, что со мной!

Как жжет меня моя любовь! о дорогая, жжет любовь!

Твой лоб так бел, но сумрак — бровь! о дорогая, сумрак — бровь!

Твой взор — как море, я — ладья! о дорогая, я — ладья.

На этих волнах — чайка я! о дорогая, чайка — я.

Мне не уснуть, и то судьба, о дорогая, то судьба!

О, злая, выслушай раба! о дорогая, речь раба.

Ты — врач: мне раны излечи, о дорогая, излечи!

Я словно в огненной печи, о дорогая, я — в

печи!

Все дни горю я, стон тая, о дорогая, стон тая,

О, злая, ведь не камень я, о дорогая, пламень — я!

Мне не уснуть и краткий срок, о дорогая, краткий срок,

Тебя ищу — и одинок! о дорогая, одинок!

И ночь и день к тебе лечу, о дорогая, я лечу,

Тебя назвать я всем хочу, о дорогая, и молчу.

Но как молчать, любовь тая, о дорогая, страсть тая?

О, злая, ведь не камень я, о дорогая, пламень — я!

<1916>

2

Как дни зимы, дни неудач недолго тут: придут-уйдут.

Всему есть свой конец, не плачь! — Что бег минут:

придут-уйдут.

Тоска потерь пусть мучит нас, но верь, что беды лишь

на час:

Как сонм гостей, за рядом ряд, они снуют;
придут-уйдут.

Обман, гонение, борьба и притеснение
племен,

Как караваны, что под звон в степи идут;
придут-уйдут.

Мир — сад, и люди в нем цветы! но много в
нем увидишь ты

Фиалок, бальзаминов, роз, что день цветут:
придут-уйдут.

Итак, ты, сильный, не гордись! итак, ты,
слабый, не
грусти!

События должны идти, творя свой суд;
придут-уйдут!

Смотри: для солнца страха нет скрыть в тучах
свой паля-
щий свет,

И тучи, на восток спеша, плывут, бегут;
придут-уйдут

Земля ласкает, словно мать, ученого,
добра, нежна;

Но диких бродят племена, они живут: при-
дут-уйдут...

Весь мир: гостиница, Дживан! а люди —
зыбкий караван!

И все идет своей чередой: любовь и труд, —
придут-уйдут!

<1916>

СКАНДИНАВИЯ

ПРОРОЧЕСТВО О ГИБЕЛИ АЗОВ

Слушайте, все люди, сумрачные песни.
Те из вас, кто мудры, пусть оценят пе-
нье.

Я пою про ужас, я пою про горе,
Я пою, что будет в роковые годы.
Почернеет солнце, сушу скроют воды,
Упадут на землю золотые звезды,
Взвеет дым высоко из земного недра,
И оближет пламя тучи в твердом небе.
Змей Нидгад из ада вылетит на крыльях,
Закружит, когтистый, над дворцовой кры-
шей.

У него на крыльях трупы всех умерших,
С ними вместе канет в глубине безмерной.
Будет лаять Гарум пред священным вхо-
дом,
Но в лесу железном будет вторить хохот,
И Фенрир промчится, волк с кровавым гла-
зе;!
По гранитной лестнице в чертоги азов.

Один! Один! Один! горе! горе! горе!
Я пою, что будет в роковые годы.
Азы! вижу гибель вашей светлой власти:
Волк Фенрир терзает грозного владыку.
Альфы скорбно плачут у недвижимой двери,

Азы громко стонут, внемля страшной вести,

Великаны сильны, истребленья люты.
Что теперь осталось? где теперь вы, люди?
Вот пылает с треском Игдразил высокий,
Мировые ветви корчатся и сохнут,
И, когда на землю с громом рухнет древо,
В пламени с ним вместе мир погибнет
древний.

Но из черной бездны встанет черный Локки,

Повезет безумцев он на черной лодке,
Чтоб дворец воздвигнуть, страшный, чер-
ный, новый,

И царить сурово над страной полночной.
Слушайте, все люди, сумрачные песни,
Те из вас, кто мудры, пусть оценят пенье.
Я пою про ужас, я пою про горе,
Я пою, что будет в роковые годы.

<1916>

ЕВРОПЕЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

КАНЦОНА К ДАМЕ

Судил мне бог пылать любовью,
Я взором Дамы взят в полон,
Ей в дар несу и явь и сон,
Ей честь воздам стихом и кровью.
Ее эмблему чтить я рад,
Как чтит присягу верный ленник.
И пусть мой взгляд
Вовеки пленник;
Ловя другую Даму, он — изменник.
Простой певец, я недостоин
Надеть на шлем Ее цвета.
Но так гранатны — чьи уста,
Чей лик — так снежен, рост — так строен?
Погибель мне! Нежнее нет
Ни рук, ни шеи в мире целом!
Гордится свет
Прекрасным телом,
А взор Ее сравню я с самострелом.
Любовь вливает в грудь отвагу,

Терпенья дар дает сердцам.
Во имя Дамы жизнь отдам,
Но к Ней вовек я не прилягу.
Служить нам честно долг велит
Синьору в битве, богу в храме,
Но пусть звенит,
Гремя хвалами,
Искусная канцона — только Даме.
20/21 ноября 1909

ДВОРЕЦ ЛЮБВИ

Дворец Любви не замкнут каменной стеной;

Пред ним цветы и травы пышны под росой,

И нет цветка такого, что цветет весной,
Который не расцвел бы на лужайке той.
В траве зеленой вьется быстрый ручеек;
Он, как слюда, прозрачен, светел и глубок.

Кто из мужчин, раздевшись, входит в тот поток,

Становится вновь юным, в самый краткий срок.

И девам, что умели дань Любви отдать,
Довольно в светлых водах тело искупать;

Все, — кроме тех, кто должен жизнь ребен-
ку дать,—

Становятся невинны, девами опять.

На тонких ветках птицы песнь поют свою.

Что песнь — Любви во славу, я не утаю.

И, наклонившись низко к светлому ручью,

Подумал я, что грежу я в земном Раю.

1912

ИСПАНИЯ

ИСПАНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

1

- **В**ы бледны, моя сеньора.
Что склонили вы глаза?
— Я, пока вы на охоте,
Убираю волоса.
— Чей же конь заржал так жарко
На конюшне у меня?
— Мой отец прислал в подарок
Вам прекрасного коня.
— Чей же в зале щит повешен?
— Братом прислан он моим.
— Чье копьё стоит у двери?
— Сердце мне пронзите им.

2

- Мой товарищ! мой товарищ!
Милой я узнал обман.
Я в Гренаде стану мавром,
Буду резать христиан,
— У меня три дочки дома,
И одна милей другой.

Выбирай любую розу
Иль подругой, иль женой.
— Не хочу я жить с подругой,
Дом с женою мне не мил,
Так как я ласкать не буду
Ту, которую любил.
1913

RICO FRANCO

*A caza iban a caza.
Los cazadores del Rey...[1]*

Веселой тешились охотой
Король и рыцари его;
Веселой тешились охотой,—
И не убили ничего.
Все сокола их разлетелись,
И утомил бесплодный путь,
Все сокола их разлетелись,—
Настало время отдохнуть.
Поблизости был древний замок,
Там, где кончался темный лес;
Поблизости был древний замок,
А в нем прекрасная Иньес.
Ее увидел рыцарь Рико,—

И все на свете позабыл;
Ее увидел рыцарь Рико,—
И деву страстно полюбил.
Наутро, замок покидая,
Еще при блеске ранних рос,
Наутро, замок покидая,
Коварно деву он увез.
— Не об отце ль, Иньес, ты плачешь?
Забудь: не встанет больше он.
О брате ли, Иньес, ты плачешь?
Моим мечом он поражен.
— Не плачу я, сеньор любезный,
Но мне наряд мешает мой,
Мне дайте нож, сеньор любезный:
Я длинный шлейф обрежу свой.
Тогда учтиво рыцарь Рико
Кинжал толедский подает,
Тогда учтиво рыцарь Рико,
Полет коня замедлив, ждет.
Лицо Иньес к нему склоняет,
Чтоб взор ее он видеть мог,
И в грудь ему Иньес вонзает
В Толедо кованный клинок.

1915

ФРАНЦИЯ XV–XVI ВВ

БАЛЛАДА О ЖЕНЩИНАХ БЫЛЫХ ВРЕМЕН

Скажите, где, в стране ль теней,
Дочь Рима, Флора, перл бесценный?
Архиппа где? Таида с ней,
Сестра-подруга незабвенной?
Где Эхо, чей ответ мгновенный
Живил, когда-то, тихий брег,
С ее красою несравненной?
Увы, где прошлогодний снег!
Где Элоиза, всех мудрей,
Та, за кого был дерзновенный
Пьер Абеляр лишен страстей
И сам ушел в приют священный?
Где та царица, кем, надменной,
Был Буридан, под злобный смех,
В мешке опущен в холод пенный?
Увы, где прошлогодний снег!
Где Бланка, лилии белей,
Чей всех пленял напев сиренный?
Алиса? Биче? Берта? — чей

Призыв был крепче клятвы ленной?
Где Жанна, что познала, пленной,
Костер и смерть за славный грех?
Где все, Владычица вселенной?
Увы, где прошлогодний снег!
Посылка
О, государь! с тоской смиренной
Недель и лет мы встретим бег;
Припев пребудет неизменный:
Увы, где прошлогодний снег!
<1913>

ПЕСНЯ ИЗ ТЕМНИЦЫ

Загорелся луч денницы,
И опять запели птицы
За окном моей темницы.
Свет раскрыл мои ресницы.
Снова скорбью без границы,
Словно бредом огневицы,
Дух измученный томится,
На простор мечта стремится.
Птицы! птицы! вы — на воле!
Вы своей довольны долей,
Целый мир вам — ваше поле!
Не понять вам нашей боли!

День и ночь — не все равно ли,
Если жизнь идет в неволе!
Спойте ж мне, — вы на свободе,—
Песню о моем народе!
Солнце, солнце! ты — прекрасно!
Ты над миром ходишь властно
В тучах и в лазури ясной.
Я ж все вижу безучастно,
Я безгласно, я всечасно
Все томлюсь тоской напрасной —
Вновь увидеть край желанный!
Озари те, солнце, страны!
Ветер, ветер! ты, ретивый,
На конях взвиваешь гривы,
Ты в полях волнуешь нивы,
В море крутишь волн извивы!
Много вас! вы все счастливы!
Ветры! если бы могли вы
Пронести хотя бы мимо
Песнь страны моей родимой!
Светит снова луч денницы.
За окном щебечут птицы.
Высоко окно темницы.
Слезы виснут на ресницы.
Нет тоске моей границы.

Словно бредом огневицы,
Дух измученный томится,
На простор мечта стремится.
1913

ВИЛАНЕЛЬ

Все это было сон мгновенный,
Я вновь на свете одинок,
Я вновь томлюсь, как в узах пленный.
Мне снился облик незабвенный,
Румянец милых, нежных щек...
Все это было сон мгновенный!
Вновь жизнь шумит, как неизменный
Меж камней скачущий поток,
Я вновь томлюсь, как в узах пленный.
Звучал нам с неба зов блаженный,
Надежды расцветал цветок...
Все это было сон мгновенный!
Швырнул мне камень драгоценный
Водоворот и вновь увлек...
Я вновь томлюсь, как в узах пленный.
Прими, Царица, мой смиренный
Привет, в оправе стройных строк.
Все это было сон мгновенный,
Я вновь томлюсь, как в узах пленный.

26 декабря 1910

ИТАЛИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

СОНЕТ В ДУХЕ ПЕТРАРКИ

Вчера лесной я проезжал дорогой,
И было грустно мне в молчаньи бора,
Но вдруг, в одежде скромной и, убогой,
Как странника, увидел я Амора.
Мне показалось, что прошел он много
И много ведал скорби и позора;
Задумчивый, смотрел он без укора,
Но в то же время сумрачно и строго.
Меня, узнав, по имени окликнул
И мне сказал: «Пришел я издалека,—
Где сердца твоего уединенье.
Его несу на новое служенье!»
Я задрожал, а он, в мгновенье ока,
Исчез — так непонятно, как возникнул.
<1912>

СОНЕТ В ДУХЕ XIV В

Тебе ль не жаль родимых побережий,
Где так в садах благоуханны розы!
Я здесь брожу, на сердце раны свежи,
И, как ручей, из глаз струятся слезы!
Не так с небес поток свергают грозы,
И осени дожди нежней и реже.
О, посмотри, все залито, и где же
Домой пройдут со склонов горных козы?
Ручей течет; ручей из слез весь в пене;
Сломал цветы, и ветви гнет растений,
И смыть дома, рассерженный, грозитя.
Что делать мне? моя тоска безмерна,
Не внемлешь ты! одно мне — в честь
неверной
В пучину слез упасть и утопиться!
<1914>

АНГЛИЯ

СМЕРТЬ РЫЦАРЯ ЛАНЦЕЛОТА

Баллада

За круглый стол однажды сел
Седой король Артур.
Певец о славе предков пел,
Но старца взор был хмур.
Из всех сидевших за столом,
Кто трону был оплот,
Прекрасней всех других лицом
Был рыцарь Ланцелот.
Король Артур, подняв бокал,
Сказал: «Пусть пьет со мной,
Кто на меня не умышлял,
Невинен предо мной!»
И пили все до дна, до дна,
Все пили в свой черед;
Не выпил хмельного вина
Лишь рыцарь Ланцелот.
Король Артур был стар и сед,
Но в гневе задрожал,
И вот поднялся сэра Мардред

И рыцарю сказал:
«Ты, Ланцелот, не захотел
Исполнить долг святой.
Когда ты честен или смел,
Иди на бой со мной!»
И встали все из-за стола,
Молчал король Артур;
Его брада была бела,
Но взор угрюм и хмур.
Оруженосцы подвели
Двух пламенных коней,
И все далеко отошли,
Чтоб бой кипел вольней.
Вот скачет яростный Мардред,
Его копьё свистит,
Но Ланцелот, дитя побед,
Поймал его на щит.
Копьё пускает Ланцелот,
Но, чарами храним,
Мардред склоняется, и вот
Оно летит над ним.
Хватают рыцари мечи
И рубятся сплеча.
Как искры от ночной свечи,—
Так искры от меча.

«Моргану помни и бледней!»—

Взывает так Мардред.

«Ни в чем не грешен перед ней!»—

Так Ланцелот в ответ.

Но тут Джиненру вспомнил он,

И взор застлался мглой,

И в то ж мгновенье, поражен,

Упал вниз головой.

Рыдали рыцари кругом,

Кто трона был оплот:

Прекрасней всех других лицом

Был рыцарь Ланцелот.

И лишь один из всех вокруг

Стоял угрюм и хмур!

Джиневры царственный супруг,

Седой король Артур.

<1913>

ГЕРМАНИЯ

ПЛЯСКА СМЕРТИ

Немецкая гравюра XVI в

Крестьянин

Эй, старик! чего у плуга
Ты стоишь, глядясь в мечты?
Принимай меня, как друга:
Землепашец я, как ты!
Мы, быть может, не допашем
Нивы в этот летний зной,
Но зато уже попляшем,—
Ай-люли! — вдвоем с тобой!
Дай мне руку! понемногу
Расходись! пускайся в пляс!
Жизнь — работал; час — в дорогу!
Прямо в ад! — ловите нас!

Любовник

Здравствуй, друг! Ты горд нарядом,
Шляпы ты загнул края.
Не пойти ль с тобой мне рядом?
Как и ты, любовник я!
Разве счастье только в ласке,

Только в том, чтоб обнимать?
Эй! доверься бодрой пляске,
Зачинай со мной плясать!
Как с возлюбленной на ложе,
Так в весельи плясовом,
Дух тебе захватит тоже,
И ты рухнешь в ад лицом!

Монахиня

В платье черное одета,
Богу ты посвящена...
Эй, не верь словам обета,
Сочинял их сатана!
Я ведь тоже в черной рясе:
Ты — черница, я — чернец.
Что ж! поди, в удалом плясе,
Ты со Смертью под венец!
Звон? то к свадьбе зазвонили!
Дай обнять тебя, душа!
В такт завертимся, — к могиле
Приготовленной спеша!

Младенец

Милый мальчик, в люльке малой!
Сердце тронул ты мое!
Мать куда-то запропала?
Я присяду за нее.

Не скажу тебе я сказки,
Той, что шепчет мать, любя.
Я тебя наставлю пляске,
Укачаю я тебя!
Укачаю, закачаю
И от жизни упасу:
Взяв в объятья, прямо к раю
В легкой пляске понесу!

Король

За столом, под балдахином,
Ты пируешь, мой король.
Как пред ленным господином,
Преклониться мне позволь!
Я на тоненькой свирели
Зовы к пляске пропою.
У тебя глаза сомлели?
Ты узнал родню свою?
Встань, король! по тронной зале
Завертись, податель благ!
Ну, — вот мы и доплясали:
С трона в гроб — один лишь шаг!
1909. 1910

DAS WEIB UND DER TOD[2]

Две свечи горят бесстыдно,
Озаряя глубь стекла,
И тебе самой завидно,
Как ты в зеркале бела!
Ты надела ожерелья,
Брови углем подвела,—
Ты кого на новоселье
Нынче в полночь позвала?
Что ж! глядись в стекло бесстыдно!
Но тебе еще не видно,
Кто кивает из стекла!
Припасла ты два бокала,
Пива жбан и груш пяток;
На кровати одеяла
Отвернула уголок.
Поводя широкой ляжкой,
Ты на дверь косишь зрачок...
Эх, тебе, должно быть, тяжело
До полночи выждать срок!
Так бы вся и заплясала,
Повторяя: «Мало! Мало!
Ну еще, еще, дружок!»
У тебя — как вишни губы,

Косы — цвета черных смол.
Чьи же там белеют зубы,
Чей же череп бел и гол?
Кто, незванный, вместо друга,
Близко, близко подошел?
Закричишь ты от испуга,
Опрокинешь стул и стол...
Но, целуя прямо в губы,
Гость тебя повалит грубо
И подымет твой подол.
12 — 13 ноября, 1909

НАДПИСИ НА ВОРОТАХ

1

Кто поздно иль рано придет к сим воротам,
Пусть говорит учтиво и другом станет
нам.

Молчание не трудно, и в нем позора нет,
А болтовня пустая приносит часто вред.

2

Путник! в этом городе можешь дни про-
весть.

Путник! в этом городе можешь выбрать
гроб.

Всех, живущих в городе, можно знать и
счесть.

Всех, умерших в городе, знает только бог.

3

В этом замке живет рыцарь сильный.

Если хочешь его дружбы, — поклонись.

Если хочешь с ним побиться, — постучись.

Всего лучше ж, молча иди мимо.

1913

ФРАНЦИЯ XVII–XVIII вв

ПОСЛАНИЕ МАЛЕРБУ XVII в

Мой дорогой Малерб! Ты долго ль будешь
горе

Скрывать в глуши лесов,
Оплакивая ту, что с кротостью во взоре
Прияла смерти зов?

Не сам ли посылал ты, осушая слезы,
В стихах живой урок:

«Ей, розе, дан был срок, какой цветут все
розы:

Лишь утра краткий срок!»

Ужель, когда теперь сошла под сень гроб-
ницы

Любимая тобой,

Ты видишь только скорбь, без края и гра-
ницы,

Повсюду пред собой?

Ты б предпочел ужель, чтоб, по твоим мо-
леньям,

Она всю жизнь прошла,

И, в косах с сединой, к грядущим поколе-

НЬЯМ

Старухой подошла?

Ты думаешь: она, в обители небесной,

Была б тогда милей?

Тогда б не так страдал и лик ее прелест-

ный

От гробовых червей?

Нет, нет, мой друг Малерб! как только руки

Парки

Срезают нашу нить,

Отходит возраст наш: под сумрачные арки

Не может он сходить!

Тифон, что одряхлел и мал стал, как цика-

да,

И юный Архемор

Сравнялись возрастом пред властелином

Ада,

Смежив навеки взор.

Пусть сладостно пролить сердечные стра-

данья

Чрез акведуки глаз,

Ты тень люби, как тень, но угаси мечтанья

О пепле, что угас.

Век неутешным быть, кропить слезами

вежды,

Томиться в тишине,—
Не значит ли забыть, что нам даны надеж-
ды

Любви в иной стране?
Приам, который зрел, как сыновей люби-
мых

Разит в бою Ахилл,
И для страны своей ждал бед неотврати-
мых,—

Дух твердый сохранил.
Франциск, когда Мадрид, бессильный в
правом бое,

Дофину яд послал,—
Был твердым, как Алкид, и за коварство
вдвое

Стыд на врага упал.
Да! без пощады Смерть в Аид низводит ду-
ши,

Напрасно к ней взывать;
Жестокая, она, заткнув упрямо уши,
Не хочет нам внимать.

И к бедняку в шалаш, под крышу из соло-
мы,

Она властна взойти,
И стража, что хранит вход в луврские хо-

ромы,

Ей не запрет пути.

Роптать на власть ее, терять пред ней тер-
пенье,—

Тоске плохой исход.

Покорно принимать все божия решенья —

Лишь это мир дает!

<1910>

ЛЕТНИЙ БАЛ

XVIII в

Я вас благословляю, рощи,
Где под завесой из ветвей
Мне было легче, было проще
Шептать о радости своей!
Я помню, как в тиши беседки,
Где бала шум звучал едва,
Вдруг сделались, как стрелы, метки
Мои любовные слова.
И как, едва луны пугливой
Лик потонул меж облаков,
Она покорно и стыдливо
Прикрыла блеск своих зрачков.
Недолгий сумрак, запах лилий,

И сырость мраморной скамьи —
В тот сладкий час благословили
Все, все желания мои!

Мне не забыть, как плющ зеленый
Моих коснулся жарких щек,
Как наши сладостные стоны
Помчал по листьям ветерок.

Мне не забыть, как нежно, рядом,
Назад мы шли меж темных лип,
Не смея обменяться взглядом,
Стыдясь шагов нарушить скрип.
Вернувшись к музыке и танцам,
Туда, где реяли огни,
Зачем у нас горит румянцем
Лицо, — мы ведали одни.

И, вновь кружась в весельи бала,
Легка, как призрак, как мечта,
Одна она лишь понимала,
О чем твердит мне темнота!

26 декабря 1910

ПРОГУЛКА

Как вдруг нежданно стали гулки
Шаги среди больших стволов!
И в первый раз, во всей прогулке,
Смолк смех и говор голосов.
И вы, Алина, с робкой дрожью,
Ко мне прижались в полумгле,
И — как, не знаю, — но к подножью
Сосны мы сели на земле.
Ваш детский страх, ваш страх наивный
Я успокаивал, шутя...
А вечер, пламенный и дивный,
Гас, иглы сосен золотя.
Не потому ль, когда догнали
Друзей мы у лесной реки,
Заката отблеском сверкали
У вас два пятнышка щеки?
1911

РУЧЕЙ

Ручей, играющий в долине,
Ты к нам бежишь издалека;
Ты родился на той вершине,
Где льды в покое спят века.
И над тобой орлы кричали,
Когда ты, неприметно мал,
Сбегал, журча, к зеленой дали
По граням обнаженных скал.
Природа в утреннем тумане
Была невинна и тиха,
Когда внимал ты на поляне
Беспечным песням пастуха.
И, огибая замок древний,
Под сенью ивовых ветвей,
Ты слышал, как звучат в деревне
Живые оклики детей.
Теперь, катясь волной кристальной
Средь тучных, плодоносных нив,
Ты поишь люд многострадальный,
О горных высях позабыв;
И ниже, повертев колеса
Шумливой мельницы, опять
Спокойной речкой вдоль откоса

Пойдешь пристанища искать.
А вечером на берег темный
Две тени юные придут,
Чтоб близ тебя найти укромный
Для непритворных клятв приют.
И в миг, когда они с улыбкой
Склонятся к легкой дрожи струй,—
Ты отразишь, картиной зыбкой,
Их первый, чистый поцелуй.

16 августа 1913

ЛАТЫШИ

ПОДРАЖАНИЯ НАРОДНЫМ ПЕСНЯМ

1

Дай мне вечер, дай мне отдых,
Солнце, к богу уходя.
Тяжкий труд мой долог, долог,
Вечеров нет для меня.
А — а — а — а — а — а — а!
Черный Змей на камне в море
Мелет белую муку:
Хлеб для тех господ суровых,
Что влекут меня к труду.
У — у — у — у — у — у — у!
Солнце в лодочке вечерней
Поздно едет на покой,
Поутру нам рано светит,
Челн покинув золотой.
О — о — о — о — о — о — о!
Что сегодня поздно встало?
Где гостил твой ясный лик?
— Там, за синими горами,

Грея пасынков моих.

И—и—и—и—и—и—и!

2

Листья бледные кружатся,

С ветром осени шуршат.

Тихо, тихо речка льется

И о зимнем грезит сне.

Дети Дуба, дочери Липы

Завели с рекой игру:

Дубы желуди бросают,

Липы — легкие венки.

Наряжайтесь, дети Дуба,

В блеклый липовый венок;

Надевайте бусы, Липы,

Из дубовых желудей!

Ах, увяли листья Липы

На пустынном берегу;

Дуба желуди застынут

Подо льдом, на дне реки.

Щука синяя, зеленая,

Приходи играть со мной}

У тебя вода глубокая,

У меня дубовый челн.

Брошу в море сети частые,

Белый парус подыму.

Челн несется в даль блестящую,
Белый парус ветром полн.
Челн несется в даль блестящую,
К дальней Северной стране.
Ах, прекрасна дева Севера,
На нее взглянуть плыву.
— К нам приехал ты напрасно,
За тебя я не пойду:
Дома лучше по грязи ходить,
Чем по гатям на чужбине.

<1913>

РОМАНТИЗМ

ИНЬЕС

В духе французских поэтов начала XIX века
Вам знакома ли Иньес,
Та, чьи косы — цвета смолы,
А глаза — лазурь небес?
Вам знакома ли Иньес,
Та царица своеволий,
Каждый взгляд которой — бес?
Поднимая кастаньеты,
Выгибает стан она,
Шалью шелковой одетый;
Поднимает кастаньеты,—
И толпа уже пьяна;
Все — безумцы, все — поэты!
Веер черный приоткрыв,
Чуть она им губы тронет,—
Того весь — один порыв!
Веер черный приоткрыв,
Чуть она лицо наклонит,—
Каждый ею только жив!
Говорила вся Гренада,

Будто в двери крался к ней
Как-то ночью наш. эспада;
Говорила вся Гренада,
Будто с ним она — нежней,
Чем с мужчиной быть ей надо.
Только это, верно, — ложь!
Как Иньес быть благосклонной
К одному? — Другие что ж?
Если б то была не ложь,
Каждый был бы — оскорбленный,
А у каждого есть — нож!
1913

ПЕСНИ В ДУХЕ Г. ГЕЙНЕ

1

Тихо плещут воды Рейна,
Лижут сглаженный утес.
На моей груди лилейной
Ворох спутанных волос.
Странник, ты, что правишь лодкой!
Задержись на полчаса.
Хочешь видеть, как красotka
Гребнем чешет волоса?
Я когда-то здесь бродила
С милым другом над рекой;

Я страдала, я любила,
Но теперь в душе покой.
Если хочешь быть свободным,
Подплывай скорей ко мне:
Во дворце моем подводном
Мы с тобой уснем на дне!

2

Луна была скрыта за тучей,
Мы сидели с тобою в саду,
И о счастья ветер летучий
Тебе шептал, как в бреду.
И о счастья ты мне шептала,
Наклоняясь к моим губам.
А липа цветы роняла
С вышины на колени нам.
И казалось, что будет сыпать
Свой дождь она вечный срок.
Отчего же сегодня липа
Роняет цветы на песок?
<1912>

В ДУХЕ ЭЙХЕНДОРФА

Я стою на опушке леса;
Луна прогнала облака.
Надо мной — голубая завеса,
Внизу — как лента, река.
Ударяет колокол мерно —
Далеких зов деревень.
Показала голову серна
И скрылась тотчас же в тень,
Не дрогнут листом ни единым
Деревья, преданы сну,
И бог идет по вершинам,
Озирая свою страну.
<1912>

ДРУЗЬЯ

Народность в русской поэзии
Вышел Леший, сел на пенё,
Чует запах деревень,
Палку новую кремнем обтесывает,
Порой бороду почесывает,
Сидит, морщится,
Уши у него топорщатся,
Видит: узенькой тропой
Идет в гости Домовой.
«Здравствуй, дед! давно не бывал!
А я стар стал, жить устал;
Нет бывалого простора!
Вырубили половину бора.
Куда ни пойдешь, везде мужик.
Инда я гулять отвык!»
Домовой присел меж кочек,
Будто съежился в комочек.
Говорит: «Да, старина,
Пришли худы времена!
Мужики в меня не верят,
То есть как бы вовсе херят.
Не дают мне молока,
Замыкают в два замка

На конюшне лошадей.
Впору помирать, — ей-ей!»
Леший бороду почесывает,
Палку сумрачно обтесывает,
Кремень щёлк да щёлк.
Домовой примолк.
Пень обтянут повиликой,
Пахнет свежей земляникой,
Сосны дюже велики.
Слышен сиплый крик с реки.
Вопрошает Домовой:
«То не дед ли Водяной?»
1912

ЧЕРТ И ВЕДЬМА

Народность в русской поэзии
Ну, затеял перебранку
Косолапый лысый черт!
Голос — точно бьют в жестянку,
Морда — хуже песьих морд.
Да и ведьма тож не промах;
Черт ей слово, баба — два.
Лапы гнутся, как в изломах,
Точно дыня голова.
Дьявол за косы; так что же!
Изловчилась, и сама
Кулаком его по роже.
И пошла тут кутерьма!
Ругань, крики, визги, на-кось!
Сбилось туш до десяти.
Ну, такая вышла пакость,
Хоть оглобли ворота.
Всё смешалось в перепалке,
Раскачался наш котел.
Тут нечистый к этой свалке,
Помело взяв, подошел.
Крикнул, гикнул, дунул, плюнул,
Разом всех остепенил.

Этот хвост меж ног засунул,
Этот губу прикусил.
Сели, смотрят. А хозяин
Лишь рогами покачал,
Да проклятый черт, умаян,
Поясницу зачесал.
13 ноября 1913

РОМАНТИЧЕСКИЕ БАЛЛАДЫ

ПОХИЩЕНИЕ БЕРТЫ

Шел пир небывалый за круглым столом,
Блистали в шелках паладины,
И кравчие в кубки огромным ковшом
Цедили шипящие вина.
Был красен от выпитых кубков Наим;
Гемон, улыбаясь, дремал перед ним;
Атласный камзол Оливьера
Был яркими пятнами весь обагрен;
И только один неподкупный Милон
Хранил все величие пэра.
Вдруг, в страхе, весь бледный, вбегают го-
нец.*

«Случилось великое худо!
Послала меня в Ингельгеймский дворец
С такими словами Ротруда:
Пока, позабыв про воинственный стан,
Вы заняты пиром, проник великан
Неведомый в нашу обитель,
Разграбил капеллу, монахов убил,

Кресты поломал у священных могил,
И дочь мою, Берту, похитил!»

Услышав известие, Карл задрожал,
Он встал с золоченого трона,
Звеня, покатился упавший бокал,
Упав, застучала корона.

«О, горе нам! — так он воскликнул, дрожа,—

Мне Берта дороже, чем жизнь и душа,
Не жить без нее мне, поверьте!

Вы, рыцари! тотчас берите мечи!
Наим, мой любимец! вставай и скачи
На помощь к беспомощной Берте!»

Наим, в колебаньи, угрюмо встает,
Лицо его слишком румяно.

«Ну, да, — говорит, — если б знать наперед,
Где должно искать великана!

Есть много ущелий, леса велики,
Нельзя же идти по теченью реки,
Подумать нам должно сначала,

Где дерзкого вора возможно словить.
Когда же отыщем, не трудно сразить:
Я в жизни побил их немало!»

«Но ты, Оливьер, — тогда Карл говорит,—
Наверно, ты медлить не будешь!

Хватайся за меч, надевай верный щит,
Ты внучку обратно добудешь!
Награду любую проси у меня!
Ты будешь любимцем моим с того дня,
Тебя я над всеми поставлю,
Я имя твое в назиданье другим,—
Того, кто был Карлом Великим любим,—
По целому миру прославлю!»
«Конечно, недолго, — в ответ Оливьер,—
Дать хищнику суд и расправу!
На нем покажу я злодеям пример,
А, кстати, добуду и славу.
Спокоен будь, Карл! будешь ты отомщен!»

Сказал Оливьер, и направился он
В покой, подле залы соседней:
Пред подвигом должен он был отдохнуть,
Прилег, и собрался направиться в путь
Наутро лишь, после обедни.
«А ты, — Карл взывает, — мой верный Тюр-
пин,
Снесешь ли обиду такую?
Ты — церкви служитель и ревностный
сын,
Вступишь же за веру святую!

Тебе ли терпеть разрушенье капелл,
Тебе ли снести, что неверный посмел
Служителей храма коснуться!

Сам бог поведет по дороге прямой
Тебя к гордецу. С великана главой
Ты должен обратно вернуться!»

Тюрпин отвечает: «Я знаю свой долг,
Сумею и честь уберечь я,

Но все ж великан не кабан и не волк,
В нем все же душа человечья.

И прежде, чем в яростный бой полететь,
Мне должно хоть сутки одни поговорить
И богу грехи исповедать.

Беда — нераскаянным встать под копыте:
Сгублю тем навек я спасенье свое,
А боя исход как изведать?»

В отчаяньи Карл взором пэров обвел,
Опять говорит — Ганелону:

«Ты мудр, как судья, все науки прошел,
Подпорой ты был всегда трону,

Ужель не поможешь сегодня ты мне?

Ужель не поскачешь на быстром коне

Вдогонку за наглым злодеем?

Нам Берту верни, что милее цветка,

И щедро откроется наша рука,—

Друзей награждать мы умеем!»

В ответ Ганелон: «Что за польза сгубить
Цвет рыцарства в тщетной погоне?

В таком предприятии поможет не прыть,
Не копыя и борзые кони.

Но должно обдумать, где скрылся злодей;
Составить отряды из ратных людей;

Потом у проклятой пещеры,

Костры распалив, гнать усиленно дым,

И сам, как медведь, тогда выйдет он к
НИМ...

Вот будут разумные меры!»

И Карл уронил безнадежно главу...

Выходит тогда граф Агландский.

«Я стар, — говорит, — много лет я живу,
Но помню обет христианский:

Наш первый обет — жизнь за веру отдать,

Второй наш обет — за сеньора стоять;

Я ныне исполню их оба!

Подайте мне меч, подведите коня,—

Иль с Бертой увидите скоро меня,

Иль лягу в объятия гроба!»

Еще говорил неподкупный Милон,

Еще не dokonчил он речи,

Как клики со всех загремели сторон

И отзвук помчался далече,
Раскрылася дверь, и, лучом осиян,
Предстал сын Милона, отважный Ролан,
В доспехе и бранной кольчуге.
Главу великана держал он в руках,
И Бертю за ним на скрещенных мечах
Несли восхищенные слуги.
И Карл возгласил: «Будь прославлен, ге-
рой!

Проси чего хочешь в награду!
А ты, моя Берта! садись здесь со мной,
И деда улыбкой обрадуй!»
И все восклицали Ролану: «Добро!»
И только шепнул Ганелон: «Не хитро
Добиться любого успеха,
Когда в состязаньи соперника нет!
Легко в наши дни изумить целый свет!»
И весь он затрясся от смеха.

6 марта 1912

ПРОРИЦАНИЕ

Блистают шелковый камзол,
Сверкает сбруи позолота,
С гостями Князь летит чрез дол
Веселой тешиться охотой.
Все — в ярком шелке, в кружевах;
Гербы — на пышных чепраках;
Вдали, — готовы на услуги,
Несутся ловчие и слуги.
Синеет недалекий бор,
И громким кликам вторит эхо.
Шумней беспечный разговор,
Порывистой раскаты смеха.
Уже, сквозь сумрачную сень,
Мелькнул испуганный олень.
Все об удаче скорой мыслят,
Заранее добычу числят.
Но вот седой старик с клюкой
Стоит у старого колодца.
И Князь, с поднятой головой,
Замедлил поступь иноходца.
То был — известный всей стране,
За святость жизни чтим вдвойне,
Отшельник, сумрачный гадатель,

Судеб грядущих прорицатель.
«Скажи, старик! — так Князь к нему,—
Сегодня встречу ль я удачу?
Я сколько ланей подыму,
И даром сколько стрел потрачу?
Скажи: от скольких метких ран
Падет затравленный кабан?
И если счет твой будет точен,
Ты мной доволен будешь очень».
Подняв тяжелую клюку
И кудри разметав седые,
Старик в ответ: «Что я реку,
То и исполнят всеблагие!
Узнай: еще до темноты
Все стрелы с лука спустишь ты,
И, прежде чем налягут тени,
Ты всех своих сразишь оленей!
Но слушай, — продолжал старик,—
И вещей глас волхва исполни.
Я нынче видел твой двойник,
В лесу, под гром и в блеске молний.
Испытывать страшися Рок,
Вернись назад, пока есть срок.
Твой замок пышен и уютен,
Там веселись, под звуки лютен!»

Смиряет Князь невольный гнев,
Дает коню лихому шпоры,
Кричит, надменно поглядев:
«На предсказанья все вы скоры!
Но нынче ль, завтра ль, все равно —
Всем пасть однажды суждено,
Так лучше пасть в бою веселом!»
И поскакал зеленым долом.
Сверкают звезды с вышины,
Давно окончена потеха.
Опять луга оглашены
Далеко — буйным гулом смеха.
С гостями едет Князь назад,
Их лица от вина горят,
И, дедовский блюдя обычай,
Кренятся слуги под добычей.
И вновь старик с своей клюкой
Стоит у старого колодца.
И Князь с усмешкой роковой
Вновь замедляет иноходца:
«Ну что ж, старик! Прошел и день,
Настала тьма, упала тень,
А у меня в колчане целы
Еще не пущенные стрелы!»
И Князь смотрит на старика...

Но вдруг, с неистовым порывом,
Взнеслась тяжелая клюка
И рухнула над горделивым.
И Князь с коня упал ничком,
Во прах, с рассеченным челом,
Чуть вскрикнул, чуть повел руками...
И труп лежит перед гостями.
И гости в ужасе глядят,
И кони дыбятся в испуге...
Пред мертвым выстроились в ряд,
Сняв шапки, трепетные слуги.
Уже старик в руках других
И связан. Громкий смех затих,
И говор смолк. На тверди синей
Сонм звезд — как звезд на балдахине.
И слышен голос в тишине,—
Старик взывает к тайной силе:
«Исполнить то досталось мне,
Что вы, благие, не свершили.
Не может лгать язык волхва:
Вы подсказали мне слова,
Чтоб стало правдой прорицанье,
Я сам свершил предначертанье!»

5 марта 1912

ДОПОЛНЕНИЕ

ПЕСНЯ ГРЕНЛАНДЦЕВ

Высока гора Кунак на Юге,
Я вижу ее.

Высока гора Кунак на Юге,
Я смотрю на нее.

Яркий блеск над горой на Юге,
Я дивлюсь на него.

Солнце блестит на облаках на Юге,
Я люблюсь на блеск.

Смотри на цвета над горой на тучах,
Я смотрю на Юг.

Смотри, как черна гора под тучей,
Я поеду на Юг1

<1913>

ПЕСНЯ ДРЕВНЕГО НАРОДА

Тема Райдера Хаггарда

Лесная птица, влетевшая в сумрачный зал;
Рука ребенка, зажавшая острый кинжал,—

Ты облик Жизни узнал ли? узнал ли? —
Узнал!

Красиво небо в уборах вечерней зари,
Но солнце тонет в крови, всё в крови, всё в
крови.

Звезды сиянье в воде непрозрачной пруда,
Расцвет фиалок в равнине, где скачет орда,—

Ты облик Смерти узнал ли? узнал ли? — О,
да!

Темнеет небо в уборах вечерней зари,
Но солнце тонет в крови, всё в крови, всё в
крови!

Нельзя проснуться от сна этих дней без
примет,

Порвать ли цепи, где звенья — ряд стертых
монет,

Ты облик Тайны узнал ли? узнал ли? —

иль нет?

Померкло небо в уборах вечерней зари,
И солнце скрылось в крови, всё в крови,
всё в крови!

19 марта 1923

ПЕСНЯ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

Маниту! Маниту! Маниту!
Ты благ, ты мудр, ты велик!
Маниту! Маниту!
Услышь мой крик!
В небесах, в облаках, я вижу,
То заря, то полдень, то тень.
В небесах, я вижу,
Ночь и день.
В лесах, в равнинах, я слышу,
Свист, пенье, рычанье, зов.
По долинам я слышу
Вой волков.
В битвах стучат — дело смелых! —
Томагавки, копья, щиты.
В битве смелых
Любишь ты.
Маниту! Маниту! Маниту!

Я храбр, но кругом враги.

Маниту! Маниту!

Помоги!

4 апреля 1923

АТЛАНТИДА

Провеял дух, идущий мимо.
Его лицо — неуловимо,
Его состав — что клубы дыма.
Я голос слышал, — словно струны.
Я голос слышал, — нежно-юный.
Так говорил мне призрак лунный:
«Нам в смерти жизнь — Судьба судила.
Наш мир — единая могила.
Но Вечность, Вечность — наша сила.
Меж гор, недвижно-неизменных,
Нас много скорбных, много пленных,
Но — нам витать во всех вселенных».
Провеял голос нежно-струнный.
Провеял мимо призрак лунный,
Гость Вечности, вовеки юный.
Встал облак жертвенного дыма,
И я восславил, что незримо,
Тебя, о дух, идущий мимо.
1913

ЦАРЬ О СЕБЕ САМОМ

Я был, как лев, рожденный в пустыне, около оаза Хибиса,
в зарослях.

Я стоял на колеснице позлащенной, как статуя бога на
подножии своем.

Десницей я метал стрелы мои, шуйцей я опрокидывал
врагов.

Я был, как Аммон, в свой час, пред сонмом врагов, лик
мой страшен был им.

В груди у них не было мужества метать стрелы, они не
осмеливались поднять дротик. |

Три тысячи колесниц разбили кобылицы мои, спицы колес |
валялись, как солома.

Воинов я низвергал в воду, как прыгают в Нил крокодилы.

Пали ниц враги один за другим, не сме- ли взглянуть,
кто их разит.

Они, уstraшенные, говорили друг другу:
«Не человек,
сам Сутеху славный меж нами.
Побежав, поспешим укрыться от него!
спрятавшись,
переведем дух еще раз в жизни!»
Я воззвал к отцу моему Аммону: «Отец, ты
не забыл сына!
Храмы твои я наполнил пленными, тебе я
воздвиг колонны,
что простоят тысячу лет!
Для тебя я привез обелиски с Абу, за дарами тебе я
посылал корабли в море.
Заповедей твоих я не преступал в жизни,
славу твою я
разнес по всему миру!»
Презренные побеждены были мною, враги
мои были
истреблены на земле.
Трупы лежали у ног моих, как сено, лучшие витязи врагов
издыхали в крови своей.
Тогда около вечернего времени пришли
военачальники мои,

славословили имя мое тысячью похвал.
Но я, царь, — жизнь, здоровье, сила, — ска-
зал им: «Вы
видели, что совершил Аммон, отец мой.
Враги разбежались по пустыне, как туш-
канчики, я
прошел сквозь их ряды, подобно носорогу.
Славьте Аммона, бога непобедимого:
славьте сына его,
фараона, одержавшего победу, — жизнь,
здоровье, сила!»
1912

НАДПИСЬ

Наше войско двигалось мирно,
Оно вступило в области Геруша.
Наше войско двигалось мирно,
Оно сломило могущество Геруша.
Наше войско двигалось мирно,
Оно сокрушило вражий крепости.
Наше войско двигалось мирно,
Оно срезало сады и виноградники.
Наше войско двигалось мирно,
Оно сожгло дома и хлеба в полях,
Наше войско двигалось мирно,

Оно истребило тысячи тысяч людей.
Наше войско двигалось мирно,
Оно увело тысячи тысяч в плен.
Наше войско двигалось мирно,
Да будет слава Царю во времена времен!
<1913>

ГИМН НИЛУ

Слава Нилу, в мир сошедшему,
Слава Нилу, жизнь дающему!
Свой исток во мраке кроющих,
Светом сумрак заменяешь ты,
Сады, нивы орошаешь ты!
Велишь — Нопри бдить над зернами,
Велишь — Себеку над хлебом бдить,
Велишь — Фта над ремеслом радеть.
Рыб создатель! их от птиц хранишь.
Нив радетель! ты века творишь.
Храмов зодчий! ты — богов оплот.
Перст твой медлит, — всюду бедствие;
Дух твой дремлет, — меж богами страх;
Жизнь ты создал и живишь ее.
Когда воды Нила поднимаются,
Все живое пище радуется,
Каждый зуб перетирает плод.

Для животных траву он выращивает,
Жертвы для богов готовит он,
Храмов фимиам — его творение.
Он свершает всех желания,
Сам вовек не истощается,
Доблесть Нила — бедных щит.
Мы из камня т творим его,
Не венчаем мы его венцом двойным,
Мы ему не платим подати.
Нет святилища единого его,
Неизвестно пребывание его,
Не раскрыто в таинствах письмен.
Ты царишь для Юга и для Севера,
Поглощаешь слезы всех очей,
Расточаешь щедро блага всем.
Слава Нилу, в мир сошедшему,
Слава Нилу, жизнь дающему!
<1918>

«Тебе мы поклоняемся, Нил!..»

Тебе мы поклоняемся, Нил!

Все земли оживляешь ты илом,
Течешь к нам из неведомых стран,
Чтобы севы встали зеленью рано.
Тебе мы поклоняемся, Нил!
В твоей воде живут крокодилы,
Поишь священной влагой весь год,
Хранишь на волнах медленных лотос.
Ты нам даешь живительный хлеб,
Ты к нам приходишь в образе Зеба,
Ты к нам приходишь в образе Пта,
Ты к нам приходишь богом Аммоном.
<1913>

ГИМН АТОНУ

Прекрасен восход твой, о Атон живущий,
владыка столетий!

Дивный, светлый, могучий, — любви тво-
ей — меры нет,

лучи твои — радость.

Когда ты сияешь, сердца оживают, обе зем-
ли веселятся.

Бог священный, создавший себя, сотворив-
ший все страны:

людей, стада и деревья!

Ты светишь — и живо все! ты мать и отец
для всех, чьи

глаза сотворил ты!

Ты светишь — и видят все! все души лику-
ют о тебе,

о владыко!

Когда ты уходишь, за край земли на зака-
те, — все лежат,

словно мертвые;

Пока ты не встанешь с края земли на вос-
ходе, — лица

скрыты, носы не дышат.

Ты луч посылаешь — простираются руки,

величая дух

твой,

Ты в небе светишь — певцы и игральцы
поют и трубят,

Ибо жизнь возродишь ты, красотой огне-
светлой, искрой
жизни!

И все ликуют во дворце Хатбенбена и во
всяком храме,

И все ликуют во дворце Иахетатона, пре-
красном месте,

Ибо им ты доволен, тебе приносят там туч-
ные жертвы.

Чист, кто угоден — тебе, о живущий, — в
своих

праздничных хорах.

Все, что ты создал, радостно скачет пред
твоим ликом,

Пред тобой веселится, Атон, горящий на
небе каждый
день!

Слава Атону, кто создал небо, чтобы све-
тить с него!

Слава Атону, кто озирает с неба все, что со-
здал он!

Слава Атону, в ком тысячи жизней, даруемых нам!

24 января 1915

ЗАКЛИНАНИЕ

Хавват владычица!
Богиня, царица!
Се — я связываю,
Я — Мацлия.
<1915>

**«Я, сын царя, здесь сплю,
Эшмунизар...»**

Я, сын царя, здесь сплю, Эшмунизар,
В гробнице сей, что сам воздвиг себе,
Мое заклятье — людям и царям:
Да не откроешь ты дверей ко мне.
Да не расхитишь ты богатств моих.
Да не встревожишь ты мой тихий прах.
Не то тебя отвергнет рафаим.
Не то твой прах вовек не ляжет в гроб.
Не то не будет у тебя детей.
Ты будешь продан мощному царю.
Ты потеряешь корень, как и плод.

Ты не познаешь от людей любви.
Зане здесь сплю я, царь Эшмунизар.
Был мой отец — Сидона царь, Табнит,
И мать моя — была Эмашторен,—
Служительница Ашпорен,
Богини, сила чья
Меня оборонит;
Прохожий, не тревожь гробницы
Сына царя, Эшмунизара!
<1915>

ПСАЛОМ ДАВИДА

Меж братьями я меньший был;
В дому отца был самый юный.
Овец я в поле выводил,
Перстам моим привычны были струны.
Кто б господу о мне сказал?
Он, сильный, сам о мне услышал!
Меня иноплеменник клял,
Но я с пращой ему навстречу вышел.
Семь братьев — все сильнее меня,
Но бог не их призвал из кущи.
Предстал мне ангел в свете дня,
Святил меня елеем всемогущий.
Смеялся грозный Голиаф,

Глумился посредине стана.
Но, у него же меч отняв,
Я голову отсек у великана!
1912

«Старик шел мимо башни...»

Старик шел мимо башни;
Там девушка сидела,
Держа в руке цветок:
Подарок жениха.
Старик шел мимо башни;
Там женщина рыдала:
Лежал на ложе с ней
Ее младенец — мертв.
Старик шел мимо башни;
Там дряхлая старуха,
Держа в руке цветок,
Шептала: «Вновь весна!»
1913

КИТАЙСКИЕ СТИХИ

1

Твой ум — глубок, что море!
Твой дух — высок, что горы!

2

Пусть этот чайник ясный,
В час нежный, отразит
Лик женщины прекрасной
И алый цвет ланит.

3

Ты мне дороже, чем золото,
Чем добрый взгляд государя;
Будь любви моей рада,
Как кормщик, к берегу причаля.

4

Все дни — друг на друга похожи;
Так муравьи — одинаково серы.
Знай заветы — работать, чтить старших
и голос божий,
Завяжи узел — труда, почтения, веры.

5

Глупец восклицает: «Ломок
Стебель памяти о заслугах!»

Мудрый говорит: «Буду скромн,
И меня прославят речи друга!»

16 декабря 1914

Варшава

ЯПОНСКИЕ ТАНКИ И УТА

1

Роса ложится, но солнце всходит,
И в росах тают все отраженья,
Но дни, и ночи, и годы проходят,—
В душе моей все те же любви мученья.

2

По небу тучи ходят, крутятся,
Потом исчезают.
На том же месте неподвижные горы.
Над жизнью дни проходят, крутятся,
Как небесные тучи.
В сердце на том же месте единое гору.

3

Не весенний снег
Убелил весь горный скат:
Это вишни цвет!
Ах, когда б моя любовь
Дожила и до плодов!

4

Как золотые
Дождя упадания,—
Слезы немые,—
Будут в печальной судьбе
Думы мои о тебе.

5

Цветики вишни,
Обрадуйте, падайте!
В городе лишний,
Ветром, как вы, я гоним
К волнам Икуто седым...
<1913–1915>

«Под бананом, под бананом...»

Под бананом, под бананом
Хорошо с тобой лежать вдвоем.
Словно в беге быстром, пьяном,
В поле уносимы мы слоном,—
Под бананом, под бананом
Жарким днем.
У тебя так смуглы груди,
Нежным медом пахнут волоса.
Слышат боги, но не слышат люди
Наши хриплые от счастья голоса.
У тебя так смуглы груди,
Как леса.
В быстром беге, в быстром беге
К милой цели мы спешим вдвоем,
Тонем в озере любовной неги,
Море сомы несказанной пьем.
В быстром беге, в быстром беге
Мы умрем.
1913

ПОДРАЖАНИЕ ТРУВЕРАМ

Нет, никогда не мог Амур в сем мире
Так сердце мучить, как меня она!
Я из-за той, кто всех прекрасней в мире,
Не знаю отдыха, не знаю сна.
Увы! не знает жалости она,
И мне укрыться некуда в сем мире,—
Затем, что всюду мне она видна!
Лети, о песня, и скажи прекрасной,
Что чрез нее покой утратил я!
Что сердцем я страдаю по прекрасной,
Затем, что зло покинут ею я!
Ах, заслужила ль то любовь моя!
Но если я умру, пускай прекрасной
Все песня скажет, правды не тая!

3 марта 1908

ПЕСНЬ ПРОКАЖЕННОГО

Сторонитесь!
Прокаженный идет,
Сторонитесь!
Проклят мой род,
Согрешил мой отец,
За грехи карает господь,
Где же мукам конец?
Сторонитесь!
Тело мое — что плеснь,
Зловонен мой рот,
Ноги покрыты корой,
Десны съела болезнь,
Крючья — пальцы мои,
Где лежу я — там гной.
Сойди с пути:
Прокаженный идет!
Сторонитесь,
Прохожие, женщины, левиты, купцы!
Расходитесь
Во все концы.
Невеста с молодым женихом,
Юноша, что поет на псалтире,
Мальчик с своим кубарем,

Вы все, что веселы в мире,—
Сторонитесь,
Разбегитесь:
Прокаженный идет!
Дайте дорогу мне,
Шире дорогу мне!
Я в голые горы уйду,
Туда, где нет ни цветов, ни травы.
Я глухую пещеру найду,
Где есть глоток воды,
Мытари, сторонитесь меня!
Цари, страшитесь меня!
Пророки, берегитесь меня!
Я иду, в колокольчик звеня;
Прокаженный идет,
Сторонитесь.
Я иду, хохоча
Ртом без губ.
Я иду, крича;
Я страшней, чем труп!
Страшно карает господь,
Берегитесь!
Трепещи пред господом всякая плоть,
Страшитесь!
Кто, сильный, может меня побороть,

И кто устоит против меня?

Иду, звеня;

Сторонитесь,

Прокаженный идет,

Сторонитесь.

10 марта 1912

ИСПАНСКАЯ ПЕСЕНКА

В темном поле, в темном поле
Бродит Альма без дороги;
В темном поле, в темном поле
Видит вход в шалаш убогий.
Альма входит, Альма входит,
Видит — бедно там и тесно.
Альма входит, Альма входит,
Видит — рыцарь неизвестный.
Говорит: «Я заблудилась,
В стужу ноги онемели!»
Говорит: «Я заблудилась,
Ах, довериться тебе ли!»
Рыцарь ей в ответ: «Сеньора,
Знаю, вам я неизвестен,
Но, клянусь крестом, сеньора,
Благороден я и честен.
Вот вам ложка половина,

Я свой меч кладу меж нами.
Вот вам ложка половина!
Не коснусь я вас устами».
Ночь проходит, ночь проходит,
Свет дневной румяно льется.
Альма в поле вновь выходит,
И смеется, и смеется.
Рыцарь спрашивает Альму
С грустью пламенного взора,
Рыцарь спрашивает Альму:
«Что смеетесь вы, сеньора?»
«Я смеюсь тому, мой рыцарь,
Что здесь было ночью темной,
Что могли всю ночь, мой рыцарь,
Вы со мной лежать так скромно!»

1920

СОНЕТ В МАНЕРЕ ПЕТРАРКИ

Как всякий, кто Любви застенков ведал,
Где Страсть пытается, ласковый палач,—
Освобожден, я дух бесстрастью предал,
И смех стал чуждым мне, безвестным —
плач.

Но в лабиринте тусклых снов, как Дедал,
Предстала ты, тоски волшебный врач,
Взманила к крыльям... Я ответа не дал,
Отвыкший верить Гению удач.

И вновь влача по миру цепь бессилья,
Вновь одинок, как скорбный Филоктет,
Я грустно помню радужные крылья
И страсти новой за тобой просвет.

Мне горько жаль, что, с юношеским жа-
ром,

Я не взлетел, чтоб в море пасть Икаром.
10 марта 1912

«Артуру ехать в далекий путь!..»

А ртуру ехать в далекий путь!
Вот громко трубят трубы!
Джиневру целует он нежно в грудь,
Целует и в лоб и в губы!
«Прощай, Джиневра, моя жена.
Не долгодолго разлуки год!»
Она — в слезах, в слезах она,
Смотрит смеясь Ланцелот!
Вот едет Артур через ясный луг,
И слышны близко трубы,
Но страстно Джиневра и милый друг,
Целуясь, сблизили губы.
«Тебе служил я, любил тебя
И ждал за годом год.
Теперь блаженство узнаю я!»
Смотрит смеясь Ланцелот.
Артуру ехать в обратный путь,
Поют в его славу трубы!
Он девушек в замках целует в грудь,
Целует и в алые губы.
С Артуром нежно вдвоем жена:
«Я верен тебе был весь год!»
«А мужу я была верна!»

Смотрит смеясь Ланцелот.
<1916>

Примечания

На охоту, шли на охоту
королевские охотники (исп.).

[^^^]

2

Женщина и смерть (нем.).

[^^^]